

Падчас контрнаступленняў органы ваеннай разведкі здабывалі вельмі важныя звесткі аб напрамках адыходу злучэнняў і падраздзяленняў праціўніка, аб стварэнні імі абарончых рубяжоў, пастаянна ўдакладняўся склад і колькасць нямецкіх войскаў, нумарацыя дывізіяў, ацэньвалася іх баяздольнасць, фіксавалася перамяшчэнне штабоў, вузлоў сувязі, знаходжанне рэзерваў.

Такім чынам, пачатковы перыяд вайны паказаў цэлы шэраг праблем у арганізацыйнай структуры цэнтральнага апарата вайсковай разведкі, недастатковую падрыхтаванасць да дзеянняў у баявых умовах. Таксама ў першыя месяцы вайны выявіліся недахопы ў матэрыяльна-тэхнічным забеспячэнні як цэнтральнага апарата, так і разведвальных аддзелаў штабоў ваенных акруг. Тым не менш, нягледзячы на складанасці ў арганізацыі працы вайсковай разведкі на пачатковым этапе Вялікай Айчыннай вайны, можна сцвярджаць, што за перамогамі Чырвонай арміі ў вайне стаяла вайсковая разведка.

Літаратура

- 1 Колпакиди, А. И. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки / А. И. Колпакиди, Д. П. Прохоров. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. – 281 с.
- 2 Нагирняк, В. А. Войсковая разведка Красной Армии и вермахта / В. А. Нагирняк. – Москва : Яуза-пресс, 2022. – 448 с.
- 3 Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. / гл. ред. комис. С. К. Шойгу (председ.) [и др.]. – Москва : Кучково поле, 2013. – Т. 6 : Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / А. В. Опалев (руков. авт. коллект.) [и др.] ; ред. комис. С. М. Смирнов (предс.) [и др.]. – 864 с.
- 4 Лота, В. И. Секретный фронт Генерального штаба: разведка: открытые материалы : кн. о воен. разведке, 1940–1942 / В. И. Лота. – Москва : Молодая гвардия, 2005. – 538 с.
- 5 Мельтюхов, М. И. Советская разведка и проблема внезапного нападения / М. И. Мельтюхов. – Москва : Вече, 2000. – 222 с.

УДК 930(410):94(366)

Е. С. Клейменова

ОБРАЗ РИМСКОЙ БРИТАНИИ В БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье приводится краткий обзор британской историографии, посвящённой римской Британии. Автор делает вывод, что на протяжении XX в. господствующей концепцией романо-британских исследований была теория «романизации», положения которой во многом были продиктованы колониальной эпохой. Современные же британские историки при изучении римской Британии отказались от этой теории и отдают предпочтение описанию социокультурных процессов и роли местных идентичностей.

В современной исторической науке нет чёткого определения понятия «образ». Впервые дискуссии о нём были начаты в 20-х–30-х годов XX в. исследователями «школы Анналов». Учёные пришли к выводу, что анализируя источник, историк не воссоздаёт историческую, т. е. объективную, реальность, а лишь создаёт образ этой самой реальности, своё представление о ней. На восприятие историком информации из источника влияет множество факторов, заключающихся как в ограниченности

источниковедческой базы и методологии, так и в современных для исследователя изменениях в общественной жизни. Британские исследователи на протяжении истории нередко обращались к своему римскому прошлому в процессе конструирования собственной идентичности. При этом концепция образа римской Британии менялась по мере накопления фактического материала и нормативной базы в зависимости от внешней политической ситуации и внутренних изменений в стране.

Особую популярность история Римской империи в британской историографии приобрела в начале XVIII в. Заключённая в 1707 г. уния между Английским и Шотландским королевствами фактически воссоздала границы римской Британии, что вызвало, закономерно, интерес к британскому античному прошлому. В данный период Британская империя переживала свой расцвет, что также порождало сравнения с могущественной в своё время Римской империей. Тем не менее, неудачная война Великобритании со своими североамериканскими колониями в 1775–1783 гг. привела к росту беспокойства британцев о стабильности их государства. В данный период был написан фундаментальный труд Эдуарда Гиббона «История упадка и крушения Римской империи». В нём автор описал историю как Западной, так и Восточной (Византийской) империй, особое внимание обратив на причины упадка. Как и многие его современники, Гиббон считал главным достижением римлян, распространение цивилизации среди варварских народов. Тем не менее, одну из главных причин упадка Империи автор видел в деспотическом характере правления. По мнению Гиббона, если бы римляне дали населению своих провинций больше свободы и право на участие в жизни страны, это спасло бы Римскую империю от распада [1].

Таким образом, вдохновляясь идеями Гиббона, британские историки и писатели первой половины XIX в. рассматривали историю Римской империи как прямую противоположность викторианской Англии. Тирания, коррупция, роскошь и хаос первой должны были подчеркнуть стабильность и свободу последней. Идея об исконной свободе англичан также лежала в основе «тевтонского» мифа о происхождении английской нации.

Данный миф получил популярность в обществе после восшествия на британский престол в 1714 г. Ганноверской династии. Согласно данной теории, после ухода в 410 г. римлян, вторгшиеся в Британию англосаксы и юты полностью уничтожили местное население. Немногочисленные выжившие были изгнаны и осели на территории современного Уэльса и Корнуолла. Считалось, что, несмотря на дальнейшие нашествия викингов и нормандское завоевание, именно англосаксы являются прямыми предками англичан. Именно от них они унаследовали воинскую доблесть, таланты к мореходству и стремление к свободе [2, р. 65].

Присутствие римлян в Британии во многом воспринималось общественностью по аналогии с британским присутствием в Индии. Считалось, что римляне в провинции были представлены в основном имперскими чиновниками и армейскими частями, которые жили в укрепленных городах, военных лагерях и на виллах. Коренное же население провинции группировалось на некотором расстоянии от этих центров и фактически находилось в положении подчинённого. Тем не менее, данные положения имели ряд недостатков. В вышедшей в 1878 г. книге «Римляне Британии» антиквар Генри Чарльз Кут отметил, что викторианская Англия имеет ряд схожих черт с римской Британией: латинское право, города, цивилизацию, искусство, имперскую чеканку монет. Он утверждал, что население римской Британии являлось потомками римских колонистов, которые пережили англосаксонское нашествие в укрепленных городах. Нормандское завоевание, которое исследователь называет «галло-римским», спасло римлян Англии от последствий походов англосаксов и викингов, а также обеспечило будущее величие страны. Работы Кута подвергались критике как при жизни автора, так и после его смерти. В середине XX в. археологи доказали, что города римской Британии

пришли в упадок ещё до ухода римлян (во второй половине IV – начале V вв.) и, соответственно, не могли быть надёжными убежищами. Тем не менее, несмотря на критику со стороны историков, теория Кута положила начало пересмотру англосаксонской концепции происхождения английской нации [3, p. 21].

Создание в 1871 г. Германской империи и рост милитаризма в Европе также показали необходимость в более независимой от «немецких» корней теории происхождения британской нации. Помимо этого, одним из главных недостатков «тевтонского» мифа было то, что обращался он к прошлому исключительно Английского королевства. В XIX в. также стало очевидно, что британцам требуется идеологическая основа, благодаря которой можно было бы объединить не только всё население Соединённого Королевства, но и многочисленные мультикультурные народы Британской империи.

После провозглашения королевы Виктории в 1876 г. «императрицей Индии» в британской историографии начинает формироваться положительный образ Римской империи. В данный период также возникла идея об «имперской миссии» британцев. Согласно данной идее, современная Британская империя, как и когда-то Римская, окружена нецивилизованными варварскими народами. Британцы, беря в пример римлян, провозглашали, что их «имперской миссией» является распространение христианской веры и цивилизации среди колониальных народов. Наиболее полно данные идеи использовал в своих трудах шотландский историк Джон Адам Крамб. В 1900 г. он прочитал в Королевском колледже Лондона лекцию о значении англо-бурской войны для британцев. Крамб утверждал, что Римская империя являлась синтезом великих государств-предшественников – Египта, Ассирии и др. Впоследствии дух Римской империи возродился в Великобритании. Британская империя смогла усовершенствовать наследие римлян. Как утверждал Крамб, британцы значительно превосходили в величии и масштабе Римскую империю и благодаря тому, что объединили под своей властью множество народов, они могут по праву считать себя наследниками «имперской миссии» римлян [2, p. 87–88].

Существовавшие на рубеже XIX–XX вв. идеи, безусловно, оказали влияние на одного из главных деятелей романо-британской науки – Фрэнсиса Хаверфилда. В 1905 г. историк представил перед Британской Академией наук созданную им концепцию «романизации» местного населения. Ранее считалось, что жителями римских городов и вилл в Британии были, в основном, выходцы с Апеннинского полуострова. Хаверфилд же выступал за то, что к концу римского правления большая часть имперского аппарата в провинции была представлена коренными бриттами. Благодаря процессу «романизации» представители провинциального населения вобрали лучшее из римской цивилизации и культуры. Как считал историк, «романизация» затронула не только Британию, но и все народы Западной Европы. В отличие от народов Востока, местные племена не обладали древней культурой и поэтому охотно приобщались к римской цивилизации. Центрами «романизации» были города и колонии ветеранов в провинциях. Тем не менее, данный процесс имел свои особенности в Британии. Наиболее развитой и «романизированной» областью провинции Хаверфилд считал юго-восток. Здесь находилось большинство городов, в то время как на севере и западе римское присутствие было представлено в основном военными лагерями и фортами. После нападения англосаксов большинство бриттов бежало в эти «мало романизированные» районы, что и обусловило падение римской культуры и начало «Тёмных веков». Тем не менее, приход в XI в. норманнов, являвшихся потомками «романизированных» галлов, опосредованно через связь с Францией способствовал пробуждению следов римской цивилизации в местном населении [4, p. 11–78].

Благодаря своей простоте и универсальности теория «романизации» Хаверфилда стала основной парадигмой для романо-британских исследований XX в. При этом сам

он не успел дать чёткого определения «романизации». Идеи и выводы Хаверфилда были развиты и дополнены уже его последователями. Тем не менее, рост археологических раскопок в 1970–1980-х гг. показал, что история римской Британии была несколько сложнее, чем это представлял историк. Ситуацию также усугублял тот факт, что каждый из исследователей понимал «романизацию» по-своему: Хаверфилд – как процесс распространения римской цивилизации, его ученик Роберт Джон Коллингвуд – как политику римлян по насаждению своей культуры, историк Шеппард Фрер – как синтез культур и т. д. Начавшийся в 1960-е гг. процесс деколонизации также привёл к изменениям в социокультурном контексте романо-британских исследований. Популярная в начале XX в. идея о «цивилизаторской» миссии европейцев стала подвергаться активной критике со стороны представителей постколониального поколения [2, p. 133–152].

Начатые в 1990-е гг. дискуссии о «романизации» привели к практически полному исчезновению данного термина из публикаций, посвящённых римской Британии. При этом освободившееся место не было занято одной единственной концепцией – теоретическое единообразие сменил идейный плюрализм. Стоит отметить, что разрабатываемые британскими историками темы также непосредственно связаны с общественно-политической ситуацией в Великобритании. Актуальными направлениями в современных романо-британских исследованиях являются проблема мультикультурализма, история идентичностей, гендерная история, история меньшинств и т. д. Кроме того, как когда-то в XVIII в., на смену положительному образу Римской империи вновь пришёл её антипод. Современные историки часто критикуют концепцию «романизации», оправдывавшую экспансионизм Британской империи, как продукт колониальной эпохи. Тем не менее, как показал в своём исследовании британский историк Филипп Фримэн, подобные обвинения во многом являются бездоказательными. В своих трудах Фрэнсис Хаверфилд никогда не сравнивал Британскую и Римскую империи и, напротив, указывал на неправомочность подобных аналогий. Концепция историка, возможно, и представляется сегодня устаревшей, но чрезмерная её критика, безусловно, вызвана антиколониальным восприятием британцев их собственного имперского прошлого.

На протяжении истории образ римской Британии непрестанно менялся под воздействием внешних и внутренних факторов. Господствующей парадигмой для романо-британских исследований прошлого века была теория «романизации». Несомненно, что на её создателя, Фрэнсиса Хаверфилда, оказывала влияние колониальная эпоха, в которой он жил. Тем не менее, критика данной концепции, начатая в 1990-е гг., также во многом была обусловлена постколониальным подходом и ростом антиимперских настроений в британском обществе. Стоит отметить, что, несмотря на декларируемый британскими историками отказ от «романизации», данный термин по-прежнему часто фигурирует в трудах, посвящённых провинциям Римской империи. Как считает российский историк Антон Ералыевич Барышников, данный термин нуждается лишь в пересмотре своего значения и по-прежнему может эффективно использоваться историками. К примеру, «романизация» может обозначать процесс распространения имперских («римских») культурных традиций (языка, ремесленных техник, одежды и т. д.) Перспективность данного определения и будущее «романизации» могут выявить лишь дальнейшие антиковедческие исследования [5, с. 206–209].

Литература

1 Гиббон, Э. История упадка и крушения Римской империи [Электронный ресурс] / Э. Гиббон. – Санкт-Петербург : Олма-Пресс, 2001. – Режим доступа: https://bookscafe.net/read/gibbon_e-istoriya_upadka_i_krusheniya_rimskoy_imperii_bez_alboma_illyustraciy-206115.html#p2. – Дата доступа: 03.04.2023.

2 Hingley, R. Roman Officers and English Gentlemen / R. Hingley. – London : Routledge, 2000. – 224 p.

3 Coote, H. C. The Romans of Britain / C. H. Coote. – London : Fredrick Norgate, 1878. – 517 p.

4 Haverfield, F. The Romanization of Roman Britain / F. Haverfield. – Oxford : Clarendon Press, 1912. – 91 p.

5 Барышников, А. Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении / А. Е. Барышников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6. – С. 200–211.

УДК 94(741):Е.Р.Дашкова

Я. В. Костючкова

Е. Р. ДАШКОВА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению биографии одной из известнейших женщин России XVIII века. Сделан вывод, что Екатерина Романовна Дашкова была выдающимся деятелем эпохи Просвещения в России. Она сумела возродить академическую науку, способствовала развитию педагогики. Е.Р. Дашкова одновременно возглавляла две академии империи: Академию наук и Российскую академию, являлась членом многих зарубежных научных академий и обществ.

Екатерина Романовна Дашкова родилась 17 марта 1743 г. в семье графа Романа Илларионовича Воронцова. В четырёхлетнем возрасте была отдана на воспитание в дом своего дяди, в ту пору канцлера Российской империи. Вместе со своей двоюродной сестрой Анной Михайловной она получила блестящее домашнее образование: свободно владела четырьмя языками – французским, немецким, английским и итальянским, хорошо играла на фортепиано, пела и рисовала, любила читать. Её любимыми авторами были французские философы, публицисты, поэты: П. Бейль, Ш. Монтескье, Вольтер, Н. Буало, К. А. Гельвеций. С детства девочка проявляла незаурядный ум и широту интеллектуальных интересов. К пятнадцати годам у неё была собрана библиотека в 900 томов. Екатерина тратила на книги все свои карманные деньги и в своём дневнике, в частности, отмечала: «Никогда и никакие самые изящные и цветные игрушки не доставляли мне и половины того удовольствия, которое я чувствовала при этом приобретении...» [1, с. 11].

Она путешествовала, посещала разные страны, где знакомилась с многими представителями эпохи Просвещения. Так, Дашкова встретила с Дидро и Вольтером, с которыми установила искреннюю дружбу, в результате чего они долго поддерживали переписку. Она часто приглашала к себе в дом известных учёных и выдающихся личностей. Среди её гостей были профессор риторики Хью Блэр, философ и историк Адам Фергюсон, математик и экономист Адам Смит.

В период с 1783 по 1794 год Е. Р. Дашкова официально возглавляла Императорскую академию наук в Санкт-Петербурге и Императорскую Российскую академию [2, с. 165]. Будучи первой женщиной в государстве, занявшей такую высокую должность, Дашкова, обладавшая умом и энергией, способствовала развитию академической науки и педагогики в России. Она сумела навести порядок в финансовых вопросах, улучшить